Н.В. Кабакова*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РУБЕЖА XVII–XVIII ВЕКОВ В ОТРАЖЕНИИ ДОЗОРНОЙ КНИГИ ТАРСКОГО УЕЗДА 1701 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ТАТМЫЦКОЙ СЛОБОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-10
УДК 314.11(571.13)"1701"

Выходные данные для цитирования:
Кабакова Н.В. Демографические процессы рубежа XVII–XVIII веков в отражении Дозорной книги Тарского уезда 1701 года (на примере Татмыцкой слободы) // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 109–120. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-10.pdf

N.V. Kabakova*

DEMOGRAPHIC PROCESSES AT THE TURN OF THE 17TH AND 18TH CENTURIES IN THE REFLECTION OF PATROL BOOK OF TARSKY DISTRIC OF 1701 (ON THE EXAMPLE OF TATMYTSKAYA SLOBODA)

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-10

How to cite:
Kabakova N.V. Demographic Processes at the Turn of the 17th and 18th Centuries in the Reflection of Patrol Book of Tarsky District of 1701 (On the Example of Tatmytskaya Sloboda) // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 109–120. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-10.pdf]

Abstract. The article is devoted to the study of demographic processes that took place in the Tatmytskaya settlement of the Tarsky district of the Tobolsk province at the turn of the 17th–18th centuries. The study is based on the materials of the Patrol Book of the Tarsky district of 1701. This historical source contains valuable information regarding different aspects of the life of the population of the specified region. The purpose of the work is to review the Patrol Book for its potential as a source for analyzing demographic processes. The key social groups living in Tatmytskaya Sloboda were service people, who made up the majority of residents, and peasants. The Patrol Book contains information on the development of migrations within the settlement, originating both from remote areas of the country (primarily Pomorie) and from nearby regions (primarily Tobolsk province). The next source of replenishment of the local population was natural growth. The source indicates male children, their age. It was established that the largest number of sons was recorded in service families compared to peasant families. The Patrol Book allows you to characterize the family and family composition of the inhabitants. It was revealed that, despite the extensive information included in the Patrol Book, this document does not give a complete picture of the course of demographic events, since it does not contain data on female representatives, does not show the age of male heads of families, does not provide information on fertility and mortality. All this does not allow us to establish the role of natural growth in increasing the total population. It was concluded that the Patrol Book helps to get an idea of the general trends in population movement at the turn of the 17th–18th centuries, makes it possible to identify the difference in the development of demographic processes among representatives of different social categories.

Keywords: demographic development, Patrol Book of Tarsky district, Tatmytskaya Sloboda, migrations, natural growth, servants, peasants, family.

* **Наталья Васильевна Кабакова,** кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск, Россия, e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru
Natalia Vasilyevna Kabakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Siberian State Automobile and Road University, Omsk, Russia, e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

The article has been received by the editor on 03.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению демографических процессов, протекавших в Татмыцкой слободе Тарского уезда Тобольской губернии на рубеже XVII−XVIII вв. Исследование опирается на материалы Дозорной книги Тарского уезда 1701 года. Этот исторический источник заключает в себе ценные сведения, касающиеся разных сторон жизнедеятельности населения указанного региона. Цель работы – рассмотрение Дозорной книги на предмет ее потенциала как источника для анализа демографических процессов. Ключевыми социальными группами, проживавшими в Татмыцкой слободе, являлись служилые люди, составлявшие численное большинство жителей, и крестьяне. В Дозорной книге содержится информация о развитии миграций в пределы слободы, происходивших как из отдаленных районов страны (прежде всего Поморья), так и из близлежащих регионов (прежде всего Тобольской губернии). Следующим источником пополнения местного населения был естественный прирост. В источнике указаны дети мужского пола, их возраст. Установлено, что по сравнению с крестьянскими семьями в семьях служилых фиксировалось наибольшее число сыновей. Дозорная книга позволяет охарактеризовать фамильный и семейный состав жителей. Выявлено, что, несмотря на обширную информацию, включенную в Дозорную книгу, этот документ не дает полной картины протекания демографических событий, поскольку не содержит данных о представительницах женского пола, не показывает возраст мужчин − глав семей, не предоставляет сведений о рождаемости и смертности. Все это не позволяет установить роль естественного прироста в увеличении общей численности населения. Сделан вывод о том, что Дозорная книга помогает получить представление об общих тенденциях движения населения на рубеже XVII−XVIII вв., дает возможность выявить разницу в развитии демографических процессов у представителей разных социальных категорий.

Ключевые слова: демографическое развитие, Дозорная книга Тарского уезда, Татмыцкая слобода, миграции, естественный прирост, служилые, крестьяне, семья.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026 г.

Изучение истории Сибири тесным образом связано с рассмотрением проблематики формирования на ее территории русского населения. Какие факторы оказывали влияние на этот процесс и какова была роль государства в организации пополнения жителей Сибири, социальный и половозрастной состав населения − эти и многие другие вопросы неизбежно оказываются в поле внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной историографии усилился научный интерес к начальному этапу присоединения Сибири к Российскому государству в контексте характеристики процесса русской колонизации. Накоплен солидный пласт исследований, посвященных осмыслению особенностей освоения огромного восточного региона[1], опубликованы историографические обзоры трудов российских историков-сибиреведов по демографической тематике[2]. В настоящее время историки продолжают изучать вопросы, связанные с динамикой русского населения восточных территорий страны в XVII − начале XVIII в., с определением условий, влиявших на численность

[1] *Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 619−634; *Зубков К.И., Побережников И.В.* Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235−263.

[2] *Соколовский И.Р.* Русское население Сибири в XVII − начале XVIII веков. Проблема оценки итогов колонизационного движения // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 30−42.

жителей Сибири[3], с оценкой роли властей в организации миграционных процессов[4]. И все-таки, оценивая степень изученности вопроса о развитии демографических процессов на территории Сибири начального этапа ее освоения, авторы «Энциклопедии Сибири» констатируют, что подобные исследования продвигаются весьма слабо и далеки до своего завершения[5].

А.Д. Колесников, посвятивший немало работ проблематике складывания русского населения Западной Сибири, отмечал, что если после вхождения в состав России зауральских земель число жителей росло за счет прихода переселенцев, то «уже первый рожденный в Сибири русский ребенок положил начало тому, что к внешнему притоку стал присоединяться естественный прирост»[6]. Большой знаток центральных и сибирских архивов, этот историк занимался исследованием сведений, содержащихся в различных исторических источниках. А.Д. Колесников отмечал, что в документах отложилась обильная, но подчас противоречивая информация о количестве жителей в Сибири, что нередко приводило к допущению историками ошибок при интерпретации материала. А ошибки эти были вызваны отсутствием «глубокого понимания специфики определенного региона», «недостаточным анализом извлеченных данных»[7].

Современные исследователи, изучающие вопросы исторической демографии периода XVII − начала XVIII в., обращаются к разным источникам[8], позволяющим выявить особенности развития народонаселения в различных регионах России. Одним из таких документов, находящихся в фокусе внимания омских историков, является Дозорная книга Тарского уезда 1701 года (далее − Дозорная книга). Важнейшей причиной ее создания стала необходимость упорядочивания налогообложения, для чего потребовалось получить сведения о жителях Тарского уезда Тобольской губернии. Подробное описание оснований появления данного документа, его информационного потенциала, а также источниковедческий анализ ранее были представлены в серии статей[9]. Целью настоящей работы является рассмотрение Дозорной книги на предмет ее потенциала как источника для анализа демографических процессов, которые будут изучены на примере Татмыцкой слободы.

Татмыцкая слобода: возрастной состав жителей, основные социальные категории. Татмыцкая слобода Тарского уезда Тобольской губернии стала возводиться в 1682 году, о чем сказано в Дозорной книге: «Слободчик Митька Степанов сын Шипицын сказался: родом-де он, Митька, Верхотурского уезду, Ирбицкой слободы, крестьянской сын. И в прошлом в 1682 году, сдав оброк, велено ему по челобитью его, и по грамоте, и по тобольской

[3] *Сарафанов Д.Е.* Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX − начале XX в. (по материалам метрических книг) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 59−78; *Соколовский И.Р.* Население Сибири XVII в.: существующие подходы к проблеме математической модели [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 2. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-02.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[4] *Пузанов В.Д.* Русская военная политика в Западной Сибири в концепциях направления «государственной колонизации» // Исторический формат. 2024. № 3−4. С. 107−115; *Седельникова Н.А.* Русское заселение и освоение территорий Среднего Прииртышья в XVII−XIX веках // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 522−538.

[5] История Сибири: в 4 т. Новосибирск, 2019. Т. 3: Новое время (конец XVI − начало XX века). С. 211.

[6] *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII − начале XIX вв. Омск, 1973. С. 6.

[7] *Колесников А.Д.* Определение численности населения по итогам ревизий на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск, 1982. С. 46.

[8] *Ляпин Д.А.* Ландратская перепись в системе подворных описаний Петровского времени на примере Воронежского уезда 1716 г. // Вестник архивиста. 2025. № 2. С. 331−348. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-2-331-348; *Черкасова М.С.* Церковно-монастырские синодики как источники по исторической демографии // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 147−156.

[9] *Kabakova N.V., Korusenko S.N.* Office administration and cartography at the turn of the XVII−XVIII centuries: to the problem of studying the population of the middle Priirtyshje // Bylye gody. 2017. № 43 (1). С. 21−29; *Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 62−69; *Кабакова Н.В., Корусенко С.Н.* Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII−XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 165−173.

указной памяти вновь строить Татмыцкую слободу»[10]. В дальнейшем слобода четверть века оставалась самым южным русским форпостом на территории Западной Сибири. К слову, в источнике встречается двойное наименование этого населенного пункта − либо Татмыцкая, либо Шипицына слобода. Подобная неустойчивость названия косвенным образом свидетельствует о недавнем происхождении слободы.

В Дозорной книге перечислены мужчины, тогда как женщины на страницах документа встречаются эпизодически, а в описаниях Татмыцкой слободы они и вовсе отсутствуют. В списке жителей селения зафиксирован 151 двор, в каждом из которых назван глава семьи, но возраст его не указан. Однако упоминаний о возрасте мужского населения в документе немало. Нередко подобные сведения встречались, когда это требовалось в связи с фиксацией несения повинностей. Так, слободчик Митька Степанов сын Шипицын жил в слободе без тягла, поскольку «был стар»[11]. Крестьянский сын Митька Иванов сын Яковлевых не пахал пашни «за малыми леты», «а отец его умре»[12]. Примерные сведения о возрасте глав семей можно получить, если обратить внимание на упомянутые в Дозорной книге даты прибытия жителей в определенную местность или их поступления на службу. Так, пять служилых сообщили, что они «родом из Татмыцкой слободы», следовательно, год их рождения был не ранее 1682 года, когда слобода стала строиться.

Более очевидной информация о возрасте может стать при учете сведений о сыновьях глав семей, чей возраст в Дозорной книге указывался. В качестве иллюстрации приведем выдержку из описания двора Панфилки Анисимова сына Гущина, прибывшего в 1682 г. в Тобольский уезд в Верхненицынскую слободу, который «в 1693 году, сдав тягло, пришел в Татмыцкую слободу. У него дети − Иевко десяти лет, Гришка трех лет»[13]. Безусловно, эти данные не позволяют точно установить, сколько лет исполнилось самому Панфилке, но дают возможность приблизительно определить его возрастную категорию.

Главами семей в Татмыцкой слободе являлись представители двух основных социальных категорий − служилые (слободчики, беломестные казаки, пушкари, затинщики) и пашенные крестьяне. Помимо этого, в списках названы вновь приверстанные в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников, а также вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников. Главами двух дворов в слободе являлись ружники и одного двора − судной избы писчик. При дальнейшем описании демографических процессов на материалах Дозорной книги, происходивших в Татмыцкой слободе, нами будут выделяться две названные ключевые категории − служилые и крестьяне (включая пашенных крестьян и вновь приверстанных к ним, а также близких к крестьянам по статусу бобылей). На долю служилых в Татмыцкой слободе приходилось наибольшее количество дворов − 94 двора, что составляло 62 % от их общего числа, на долю крестьян − 54 двора (36 %). Из описания двора будем извлекать данные, содержащие сведения о главах семей (их имена, отчества, фамилии, откуда они родом) и о переписанных представителях мужского пола.

Формирование населения Татмыцкой слободы: переселенческие процессы. Первоначально формирование населения Татмыцкой слободы осуществлялось посредством миграций. В организации этих процессов важную роль играло государство, заинтересованное в создании оборонительных сооружений на юге Западной Сибири и обеспечении их людьми, прежде всего способными нести военную службу. Происхождение жителей определено в тексте Дозорной книге формулировкой «родом-де он», относящейся к характеристике главы каждого семейства (например, «Федька Васильев сын Решетников сказался: родом-де он, Федька, Тарского города»). Поэтому всех дворохозяев можно классифицировать по происхождению следующим образом (табл. 1): 1) уроженцы Татмцкой слободы; 2) «родом-де <…> Тары (или Тарского города)»; 3) прибывшие из сопредельных территорий

[10] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. Омск, 2021. С. 381−382.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 401.
[13] Там же. С. 412.

Сибири или Урала (внутрирегиональные переселенцы) − подобного рода миграции в пределах смежных регионов становились наиболее активными с конца XVII в.; 4) выходцы из отдаленных мест, из европейской части страны (межрегиональные переселенцы). По оценкам исследователей, чаще всего в колонизации Сибири участвовали жители Русского Севера, Поморья[14].

Из дворохозяев, относящихся к служилым, 5 чел. (5 %) записаны как «родом из Татмыцкой слободы». «Родом Тары (или Тарского города)» назвалось 70 чел. (75 %) представителей данной социальной категории, которые, так же как и первые, считали себя местными уроженцами. Прибыли из сопредельных регионов (Шадринской слободы и слободы Царево Городище Тобольского уезда, Ирбитской слободы Верхотурского уезда, Тюмени, Томска) 13 чел. (13,8 %). Откуда, почему и когда, сами они или их предки ранее появились в Сибири или на Урале, служилые не упоминали, за исключением единичного случая, когда беломестный казак Микишка Тимофеев сын Салдатов, родом Тарского города, сообщил, что «отец его был с Ваги, пришлый»[15]. Но о местах выхода некоторых служилых порой говорят их фамилии (Вяткин, Пелымской, Белозеров). Из дальних мест − Поморья (Устюга Великого, Брюсянской волости Устюга Великого, Холмогор) − в Татмыцкую слободу перебралось 6 служилых (6 %).

Повествуя о своем прибытии в Сибирь, на Тару или в Татмыцкую слободу, 15 чел. сообщили, что они «пришли», подразумевая добровольность своего появления, тогда как 4 чел. сказали, что были «присланы». При этом служилые всегда указывали время своего переселения на новое место: в 1680-е гг. − 12 чел. (в 1682, 1683, 1685, 1689 гг. − по 1 чел., в 1684 и 1687 гг. по 2 чел., в 1686 г. − 4 чел.). Оставшиеся 6 чел. стали жить в этом краю в 1690-е годы (с 1691 и 1697 гг. − 1 чел., с 1692 и 1698 гг. − по 2 чел.). Не смог сказать о времени своего появлении в Татмыцкой слободе только один беломестный казак – Петрушка Елфимов сын Третьяков, «родом города Тюмени». Он не знал, когда пришел на Тару, поскольку «остался в малых летех» без отца[16].

Таблица 1

Происхождение глав семей Татмыцкой слободы

Откуда родом	Ружники, судной избы писчик	Служилые люди	Пашенные крестьяне	Вновь приверстанные в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников	Вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников
Татмыцкая слобода	–	5	1	–	1
Тара (Тарский город)	1	70	–	–	–
Сибирь, Урал	–	13	4	21	3
Европейская часть страны	1	6	13	6	3
Неизвестно	1	–	–	–	2
Итого	3	94	18	27	9

Составлено по: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. С. 380−414.

[14] *Зубков К.И.* Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект // Уральский исторический вестник. 2000. № 1 (66). С. 133; *Черкасова М.С.* Миграции населения Великого Устюга в XVII − первой четверти XVIII в. // Historia Provinciae − Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 1. С. 50.
[15] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 390.
[16] Там же. С. 393.

По-иному выглядит история появления в Татмыцкой слободе крестьян. Из 18 чел. дворохозяев, переписанных в категории пашенных крестьян, лишь один (малолетний Митька Иванов сын Яковлевых, отец которого умер) был родом из Татмыцкой слободы[17]. Все остальные крестьяне были родом из других мест: 4 чел. (22 %) − из Верхотурского уезда (Невьянского Николаевского монастыря и Белослуцкой слободы), 13 чел. (72 %) − из разных городов европейской части страны (Москвы, Вятки, Нижнего Новгорода, Арана, Арзамаса, с Ваги Окуловской волости). Переписчику крестьяне сообщили, что их в Сибирь «прислали» (11 чел., или 61 %) либо они «пришли» (6 чел., или 33 %). Примерно две трети этих переселенцев (11 чел.) обосновались в Татмыцкой слободе в течение последних десяти лет в 1690-е гг.

Среди вновь приверстанных в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников таких, кто родился бы в Татмыцкой слободе или в Таре, не было вовсе. Из Сибирского региона (Тобольска и слобод этого уезда, Туринска, из различных слобод Верхотурского уезда) прибыл 21 чел. (78 %), из Европейской России («из русских городов», Арзамаса, Вятки, Соли Вычегодской Окологородной волости, Кокшенской чети Ваги) − 6 чел. (22 %). В Татмыцкой слободе они обосновались в конце XVII в., когда в количестве от одного или реже двух-трех человек начинали нести здесь военную службу. Как правило, у представителей этой категории жителей процесс оседания на новом месте происходил поэтапно: сначала они «приходили» (или их «присылали») в Сибирь либо на Тару, а спустя несколько лет поступали на службу уже в Татмыцкой слободе. Приведем в качестве примера историю Ивашки Семенова сына Басова Быкова: «родом-де он, Ивашко, Тобольского уезду, Нижной Ницынской слободы, крестьянской сын. Платил отец его денежного оброку по рублю в год и умре. А он, Ивашко, на Тару пришел в 1692 году. А в беломестных казаках служит с 1698 году»[18]. Наконец, в 1701 году составитель Дозорной книги «по указу Великого Государя» записал Ивашку как крестьянина.

В категории «вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников» переселенческие процессы напоминали те же, что наблюдались в предыдущей группе. Из общего числа бобылей (9 чел.) только 1 чел. был родом из Татмыцкой слободы, 3 чел. (33 %) определили местом своего рождения Кунгур, Туринск и Окуневскую слободу Тобольского уезда, другие 3 чел. − Важский уезд, Устюг Великий, оставшиеся 2 чел. были «родом калмыки». История и время укоренения бобылей в Татмыцкой слободе также во многом повторяли ситуацию, описанную для предыдущей группы. Отметим также, что и у крестьян встречались фамилии, свидетельствующие о местах их раннего выхода − Корела, Корелин, Костромитин, Вологжанин, Пермяков, Шадра, что доказывает наличие нескольких этапов переселенческих процессов. Нередко переезжавшие, начинавшие мигрировать с территории европейской части страны, останавливались на время на Урале или в близких с ним районах, чтобы в дальнейшем продолжить движение в восточном или юго-восточном направлениях.

Анализ фамилий жителей Татмыцкой слободы, учтенных в Дозорной книге, также дает возможность сделать ряд наблюдений. В слободе проживали представители 116 фамилий, из которых носителями 91 фамилии являлась только одна семья, тогда как в 25 случаях одна и та же фамилия могла повторяться у разных жителей − чаще родственников, иногда однофамильцев. Самой распространенной (встречалась в семи случаях) была фамилия Шипицын, все ее представители являлись потомками основателя слободы Митьки Степанова сына Шипицына. Фамилию Лопатин носили четыре семейства, два из которых возглавляли братья беломестные казаки Савка Савельев сын и Васька Савельев сын, оба родом из Верхотурского уезда Ирбицкой слободы. В двух других случаях Лопатины также являлись братьями-крестьянами (Ивашко Федоров сын и Никонко Федоров сын), прибывшими в Татмыцкую слободу из той же Ирбицкой слободы Верхотурского уезда. По всей видимости, все эти некогда перебравшиеся в Татмыцкую слободу Лопатины были родственниками.

[17] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 401.
[18] Там же. С. 404.

По три раза в списках Татмыцкой слободы встречаются фамилии Бутаков, Горнастаев, Узунов, Неворотов. Их носителями были служилые люди. По два раза упоминаются 19 фамилий (Басов Быков, Болотов, Гладкой, Гонцогоров, Гуров, Дудин, Зубов, Кайнов, Калашников, Кривоногов, Кубрин, Ложников, Малгин, Новожилов, Носков, Пушкарев, Решетников, Салдатов, Щербаков), в семи случаях принадлежавших крестьянам, в десяти − служилым. Представителями двух фамилий, дважды встречавшихся в списке (Пушкаревы и Салдатовы), были однофамильцы − служилый и крестьянин. Так, казак Микишка Тимофеев сын Салдатов назвался родом Тарского города, тогда как крестьянин Минька Семенов сын Салдатов − родом был Верхненицынской слободы Тобольского уезда. В целом наиболее часто фамилии повторялись у служилых, нежели у крестьян.

Семейный состав жителей Татмыцкой слободы. Число семей в Татмыцкой слободе соответствует числу дворов (151). По своему составу семьи могли быть разными. Большинство их, в соответствии со списками Дозорной книги, включало только отцов (возможно вдовых) либо отцов и их сыновей. В двух семьях указаны пасынки, названные с именами своих отцов. Так, у беломестного казака Алешки Степанова сына Маллаева, помимо сына Сеньки, записаны пасынки «казачьи Гавриловы дети Якушко и Коземка»; у беломестного казака Петрушки Елфимова сына Третьякова, помимо сына Гараськи, пасынки «казачьи дети Матвеевы Андрюшка и Петрушка»[19]. Подобных малых (нуклеарных) семей в данном селении насчитывалось 145 (96 %).

Кроме этого, Дозорной книгой в Татмыцкой слободе зафиксировано шесть семей расширенного типа, что составляло около 4 % от общего числа семей. В трех семьях их главами являлись беломестные казаки, в других трех − крестьяне. Пять семей являлись братскими, где в двух случаях сыновей у главы семьи не было, а братья (возможно женатые) служили в беломестных казаках. В трех случаях младший брат (или братья) только подрастал. Единичным стал пример, когда в семье крестьянина Егорки Семенова сына Басова Быкова был зафиксирован 16-летний племянник Микитка Петров[20]. Вероятно, этот подросток оказался в семье своего дяди после смерти родителей.

На все учтенные в Татмыцкой слободе семьи приходилось по 1,1 ребенку мужского пола (табл. 2). При том сыновья были перечислены в 83 семьях (55 %). Из этого числа в семьях служилых сыновья зафиксированы в 54 случаях, что составляло 57 % от всего количества семей для данной социальной категории. У беломестных казаков Алешки Борисова сына Атаманского росло 6 сыновей, у Ивашки Семенова сына Киршева − 5 сыновей[21]. Детям в этих семьях исполнилось от 2 до 15 лет. В пяти семьях служилых было по 4 сына, в девяти − по 3 сына. У остальных служилых росло по 1 или по 2 сына и, судя по тому, что возраст таких детей преимущественно составлял от 1 до 8 лет, потенциал дальнейшей рождаемости в этих семьях был достаточно высоким. В целом на 94 двора Татмыцкой слободы, главами которых являлись служилые люди, приходилось по 1,2 ребенка мужского пола.

Среди служилых присутствовало пять семей, в которых вместе с родителями проживали взрослые дети, что может косвенным образом свидетельствовать о возрасте глав подобных семейств. У Митьки Яковлева сына Горностаева, пришедшего в Сибирь в 1687 г., записаны дети − Матюшка, служивший в беломестных казаках, Митька (15 лет), Федька (8 лет) и Сенька (7 лет)[22]. О возрасте главы семейства, помимо взрослого сына, говорит и время его прибытия в Сибирь. У Бориски Микифорова сына Щербакова также отмечен сын Ивашко, что служил в беломестных казаках, и еще два сына − Ивашко (22 года) и Васька (13 лет)[23]. У Васьки Микитина сына Телятникова также были взрослые сыновья − Данилко (26 лет) и Савинко (18 лет)[24]. Не исключено, что такие взрослые сыновья, по-прежнему жившие в одном дворе с родителями, при том уже и сами создали собственные семьи.

[19] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 384, 393.
[20] Там же. С. 404.
[21] Там же. С. 388, 391.
[22] Там же. С. 394.
[23] Там же. С. 383.
[24] Там же. С. 384.

Таблица 2

Сведения о семьях с сыновьями в Татмыцкой слободе

Социальная группа	Всего семей	Семьи без сыновей, всего (%)	Сыновья, всего	Средний возраст сыновей	Среднее число сыновей на семью
Ружники	2	2 (100)	–	–	–
Судной избы писчик	1	1 (100)	–	–	–
Служилые люди	94	40 (43)	109	8	1,2
Пашенные крестьяне	18	12 (67)	7	7	0,4
Вновь приверстанные в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников	27	10 (37)	44	7	1,6
Вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников	9	3 (33)	8	5	0,9
Итого	151	68 (63)	168	7	1,1

Составлено по: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. С. 380–414.

В семьях всех жителей Татмыцкой слободы, записанных в Дозорной книге как крестьяне (всего 54 семьи), дети мужского пола учтены в 29 случаях, т.е. в 54 % крестьянских семей были сыновья. У крестьянина Ивашки Петрова сына Пушкарева имелось шесть сыновей – Петрушка (20 лет), Якушко (15 лет), Ивашко (14 лет), Сергушка (8 лет), Стенька (5 лет), Ивашко (1 год)[25]. В семье Васьки Степанова сына Пономарева росло пятеро сыновей, у Проньки Давыдова сына Шейкина – четыре мальчика[26]. В четырех семьях было по три сына, в оставшихся семьях – по одному или по два сына. Заметно то, что во всех случаях, когда в крестьянских семьях росли сыновья, их отцы ранее перебрались в Татмыцкую слободу из других мест – из западных районов страны, с Урала, из иных сибирских городов. В среднем на крестьянскую семью приходилось по 1,1 ребенка мужского пола, при том старшие сыновья, как правило, появлялись на свет до переезда в слободу.

Однако вычленение из этой общей социальной категории отдельных частей (пашенных крестьян, вновь приписанных к крестьянам служилых и вновь приписанных к бобылям служилых) создает более пеструю картину. Среди 18 семей пашенных крестьян дети мужского пола были только в 6 семьях (в 33 % семей), в среднем по 0,4 мальчика на одну семью. Это наиболее низкий показатель семей с сыновьями для исследуемых в данной работе социальных категорий Татмыцкой слободы. Обращает на себя внимание также и то, что в случаях, когда главы семей были приверстаны к крестьянам или бобылям из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, ситуация становится иной. Поскольку дозор состоялся в 1701 г. и подобные жители стали крестьянами недавно, а до этого относились к категории служилых, то именно к последним оказываются ближе данные, характеризующие количество сыновей в таких семьях. На одну семью «вчерашних» служилых, приписанных к крестьянам, приходилось по 1,6 ребенка мужского пола (это самый высокий показатель). Именно в таких крестьянских семьях учтено наибольшее количество сыновей (от трех до шести человек).

Из общего числа дворов сыновья не упомянуты в 68 семьях, что составляет 45 % от всех семей в Татмыцкой слободе. Не было сыновей в семьях ружников, судной избы писчика, в 40 семьях служилых, в 25 семьях крестьян. Отсутствие сыновей, безусловно,

[25] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 408.
[26] Там же. С. 406, 412.

могло стать неблагоприятной тенденцией для значительного числа семей жителей слободы. Однако необходимо учитывать ряд допущений. Возможно, что ряд семей образовался сравнительно недавно (ведь возраст глав семей нам неизвестен) и сыновья в подобных случаях могли родиться в будущем. Помимо сыновей, в семьях могли быть дочери, не называемые в Дозорной книге. Наконец, сыновья ко времени составления дозора в 1701 г. могли уже вырасти и отделиться в качестве самостоятельных дворохозяев. Например, в семействе слободчика Митьки Степанова сына Шипицына составитель дозора сыновей не назвал. Однако Сенька, Артюшка и Максимко, сыновья Митьки, в документе названы как слободчиковы дети и как главы самостоятельных семей. Кроме того, среди дворохозяев упомянут даже взрослый внук основателя Татмыка − Пашко Максимов сын Шипицын, отделившийся уже от своего отца и создавший собственную семью.

Информация, извлеченная из материалов Дозорной книги о демографических процессах, протекавших в Татмыцкой слободе Тарского уезда на рубеже XVII−XVIII вв., позволяет сделать ряд выводов. Точное количество жителей селения с помощью этого источника установить нельзя. В то же время возможно вычленить отдельные социальные категории, представленные служилыми людьми и крестьянами. То, что часть служилых была переведена в ходе составления дозора в разряд крестьян, свидетельствует о крайней неустойчивости этих социальных категорий. Это во многом предопределялось политикой властей, направленной на упорядочивание налогообложения. То, что подобные перемены социальных статусов и ролей были для колонизуемых окраин довольно типичным явлением, замечают и другие исследователи[27].

Население Татмыцкой слободы увеличивалось за счет миграционного и естественного прироста. Демографические процессы у служилых и крестьян происходили по-разному. Наибольшая часть мигрантов-служилых перебралась на Тару, а вскоре и в Татмыцкую слободу в 1680-е гг. из сопредельных регионов. Ранее в силу различных причин они прибывали из отдаленных районов страны, но Дозорная книга не зафиксировала этих событий. Переселения же крестьян в слободу активизировались позже, в 1690-е гг., при этом наибольшее число мигрантов было прислано из европейских городов. Давность оседания служилых также подтверждается частотой повторов их фамилий, что свидетельствует и о существенной разветвленности родственных связей: поблизости друг от друга в слободе жили родители, их дети, внуки, братья, дяди, племянники, но определить достоверно степень их родства с помощью Дозорной книги затруднительно.

Отражением недавнего времени формирования семей в созданной всего лишь за два десятилетия до проведения дозора в 1701 году Татмыцкой слободе стало преобладание нуклеарной семьи. Переезжавшие в это селение жители чаще всего были людьми молодыми и холостыми, и вскоре они укоренялись, женились, у них начинали появляться дети. Поэтому количество небольших семей в слободе преобладало.

Материалы Дозорной книги не позволяют сделать точные заключения о соотношении естественного и механического прироста в развитии населения, поскольку сведения о смертности в документе крайне отрывочны, да и точного количества рожденных детей установить нельзя. При этом у жителей Татмыка документом зафиксировано значительное количество детей. Наибольшее число сыновей было в семьях служилых и в недавно приверстанных в крестьяне из служилых казаков. Этот вывод, сделанный на основе анализа данных Дозорной книги, не совпадает с заключением А.Д. Колесникова, по словам которого в Западной Сибири в семьях служилых людей детей было меньше, чем у крестьян[28]. Данное расхождение является лишь подтверждением слов этого историка о разнообразии развития демографических событий в одно и то же время в каждой отдельно взятой местности. У представителей служилого сословия было наиболее прочное материальное положение, что создавало благоприятные условия для создания семей, большинство их раньше осело

[27] *Зубков К.И., Побережников И.В.* Восточный фронтир русской колонизации… С. 251.
[28] *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII − начале XIX вв. … С. 327.

в Татмыцкой слободе по сравнению с крестьянами. Потому здесь семьи служилых на данном этапе стали основным источником для прироста населения посредством рождаемости.

Таким образом, рассмотрение демографических процессов, происходивших на рубеже XVII−XVIII вв. в Татмыцкой слободе, на материалах Дозорной книги позволяет говорить об информативности данного исторического источника в исследованиях вопросов о развитии народонаселения. Дозорная книга дает возможность получить представление об общих тенденциях движения населения, выявить разницу в демографических событиях у представителей разных социальных категорий.

Литература

Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 619−634.

Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 62−69.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Томилов; подгот. к изд. М.Л. Бережнова и др. Омск: Наука, 2021. Т. 1. 656 с.

Зубков К.И. Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект / Уральский исторический вестник. 2000. № 1 (66). С. 130−139.

Зубков К.И., Побережников И.В. Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235−263.

Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Делопроизводство и картография на рубеже XVII−XVIII вв.: к проблеме изучения народонаселения Среднего Прииртышья // Былые годы. 2017. Т. 43, № 1. С. 21−29.

Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII−XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 165−173.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII − начале XIX вв. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1973. 440 с.

Колесников А.Д. Определение численности населения по итогам ревизий на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 43−54.

Ляпин Д.А. Ландратская перепись в системе подворных описаний Петровского времени на примере Воронежского уезда 1716 г. // Вестник архивиста. 2025. № 2. С. 331−348. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-2-331-348.

Пузанов В.Д. Русская военная политика в Западной Сибири в концепциях направления «государственной колонизации» // Исторический формат. 2024. № 3−4. С. 107−115.

Сарафанов Д.Е. Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX − начале XX в. (по материалам метрических книг) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 59−78.

Седельникова Н.А. Русское заселение и освоение территорий Среднего Прииртышья в XVII−XIX веках // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 522−538.

Соколовский И.Р. Население Сибири XVII в.: существующие подходы к проблеме математической модели // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 2. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-02.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

Соколовский И.Р. Русское население Сибири в XVII − начале XVIII веков. Проблема оценки итогов колонизационного движения // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 30−42.

Черкасова М.С. Миграции населения Великого Устюга в XVII − первой четверти XVIII в. // Historia Provinciae − Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 1. С. 44−68.

Черкасова М.С. Церковно-монастырские синодики как источники по исторической демографии // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 147−156.

References

Alekseev, V.V., Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2017). Bol'shie vyzovy v istorii imperskoy Rossii: tsivilizatsionnoe i geopoliticheskoe izmerenie [Great Challenges in the History of Imperial Russia: Civilizational and Geopolitical Dimensions]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, No. 3, pp. 619−634.

Berezhnova, M.L., Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2014). Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 g.: k voprosu o prichinah sostavleniya i soderzhanii [The Tarsky Uyezd Watch Book of 1701: On the Reasons for Its Compilation and Content]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 1 (1), pp. 62−69.

Cherkasova, M.S. (2020). Migratsii naseleniya Velikogo Ustyuga v XVII − pervoy chetverti XVIII v. [Population Migrations in Veliky Ustyug in the 17th and First Quarter of the 18th Century]. In *Historia Provinciae − Zhurnal regional'noy istorii*. Vol. 4, No. 1, pp. 44−68.

Cherkasova, M.S. (2023). Tserkovno-monastyrskie sinodiki kak istochniki po istoricheskoy demografii [Church and Monastery Synodics as Sources on Historical Demography]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya*. No. 4, pp. 147−156.

Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2017). Deloproizvodstvo i kartografiya na rubezhe XVII−XVIII vv.: k probleme izucheniya narodonaseleniya Srednego Priirtysh'ya [Office Administration and Cartography at the Turn of the 17th−18th Centuries: To the Problem of Studying the Population of the Mmiddle Priirtyshje]. In *Bylye gody*. Vol. 43, No. 1, pp. 21−29.

Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2019). Sibirskie deloproizvodstvennye i kartograficheskie istochniki rubezha XVII−XVIII vv.: fenomen "uznavaniya" novykh prostranstv imperii [Siberian Administrative and Cartographic Sources of the 17th−18th Centuries: The Phenomenon of "Recognizing" New Spaces of the Empire]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 4 (47), pp. 165−173.

Kolesnikov, A.D. (1973). *Russkoe naselenie Zapadnoy Sibiri v XVIII − nachale XIX vv*. [The Russian Population of Western Siberia in the 18th and Early 19th Centuries]. Omsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 440 p.

Kolesnikov, A.D. (1982). Opredelenie chislennosti naseleniya po itogam reviziy na promezhutochnye daty [Determining the Population Based on Interim Audit Results]. In *Problemy istoricheskoy demografii SSSR*. Iss. 2. Tomsk, Tomskiy universitet, pp. 43−54.

Lyapin, D.A. (2025). Landratskaya perepis' v sisteme podvornyh opisaniy Petrovskogo vremeni na primere Voronezhskogo uezda 1716 g. [Landrat's Census in the System of Household Descriptions of the Petrine Era, Using the Example of the Voronezh District in 1716]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 331−348.

Puzanov, V.D. (2024). Russkaya voennaya politika v Zapadnoy Sibiri v kontseptsiyakh napravleniya "gosudarstvennoy kolonizatsii" [Russian Military Policy in Western Siberia in the Concepts of "State Colonization"]. In *Istoricheskiy format*. No. 3−4, pp. 107−115.

Sarafanov, D.E. (2020). Sezonnost' mladencheskoy smertnosti v Barnaule vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. (po materialam metricheskih knig) [Seasonality of Infant Mortality in Barnaul in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Metrical Books)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 22, No. 2 (198), pp. 59−78.

Sedel'nikova, N.A. (2024). Russkoe zaselenie i osvoenie territoriy Srednego Priirtysh'ya v XVII−XIX vekakh [Russian Settlement and Development of the Middle Irtysh Tegion in the 17th−19th Centuries]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 13, No. 2, pp. 522−538.

Sokolovskiy, I.R. (2013). Russkoe naselenie Sibiri v XVII − nachale XVIII vekov. Problema otsenki itogov kolonizatsionnogo dvizheniya [The Russian Population of Siberia in the 17th and Early 18th Centuries. The Problem of Assessing the Results of the Colonization Movement]. In *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri.* Iss. 3. Novosibirsk, Parallel', pp. 30−42.

Sokolovskiy, I.R. (2019). Naselenie Sibiri XVII v.: sushchestvuyushchie podkhody k probleme matematicheskoy modeli [The Population of Siberia in the 17th Century: Existing Approaches to the Mathematical Model Problem]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (6). Stat'ya 2. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-02.pdf (date of access 02.02.2026).

Tomilov, N.A. (Ed.), Berezhnova, M.L. (Comp.). (2021). *Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 goda: v 3 t.* [The 1701 Tara District Watch Book: in 3 vol.]. Vol. 1. Omsk, Nauka. 656 p.

Zubkov, K.I. (2000). Rannyaya kolonizatsiya vostochnykh regionov Rossii: politiko-ekonomicheskiy aspekt [Early Colonization of Russia's Eastern Regions: A Political and Economic Aspect]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (66), pp. 130−139.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2023). Vostochnyy frontir russkoy kolonizatsii v kontekste modernizatsionnoy dinamiki [The Eastern Frontier of Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics]. In *Evraziyskiy ezhegodnik*. No. 1, pp. 235−263.